

ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ

СЫН БЛАГОРОДНЫХ
РОДИТЕЛЕЙ

Люди нашего царя. Тайна крови

Людмила Улицкая

Сын благородных родителей

«Издательство АСТ»

Улицкая Л. Е.

Сын благородных родителей / Л. Е. Улицкая — «Издательство АСТ», — (Люди нашего царя. Тайна крови)

© Улицкая Л. Е.
© Издательство АСТ

Людмила Улицкая

Сын благородных родителей

Гриша Райзман потерял глаз еще в отрочестве – дворовый несчастный случай в сочетании с неудачным медицинским вмешательством. Ему сделали глазной протез и вставили вместо живого глаза стеклянный, и было совсем незаметно, тем более что он все равно носил очки: здоровый глаз был близорук.

Больше всего на свете Гриша любил поэзию, и сам был поэт. Нельзя сказать, что это была любовь совсем без взаимности, потому что иногда стихи получались настолько хорошими, что их печатали в газете. Всю войну, от первого до последнего дня, и даже еще немного после ее окончания, Гриша прослужил военным корреспондентом в полковой газете – а не в «Красной Звезде».

Для понимающих людей разница ясна: полковые газетчики – на передовой.

Лучше всего Грише удавались стихи военные, и даже когда война отгремела, он все не мог сойти с этой темы, все поминал тех, «которые в Берлине сражены за две минуты до конца войны»... Демобилизовавшись, он еще долго донашивал военную форму и ходил в сапогах даже в те времена, когда все бывшие военные перешли на штиблеты или валенки. Так он и ходил по редакциям – маленький худой еврей бравого вида, в круглых очках и с папиросой между указательным и средним пальцем левой руки.

Для всех нормальных людей война кончилась, и все рвались поскорее в будущее, подальше от военных страданий, а он сердцем прикипел к дымящемуся кровавому прошлому и писал о солдатах, о лейтенантах, о переправах, о простом герое войны. И о великом вожде тоже писал, конечно.

В одной из редакций познакомился с милой девушкой Белой по прозвищу «Бела с ножками», которое получила она скорее за хороший характер, чем за стройные ножки – будь она стервой, было бы у нее прозвище «Бела с носом». Гриша влюбился в нее и женился. Бела была немного старше Гриши. Семья ее была расстреляна в Бабьем Яру. И еще говорили, что был у нее когда-то жених, но погиб на фронте, и она вышла за Гришу не от большой любви, а от симпатии и желания завести семью и родить ребенка.

У Белы была комната в Каретном переулке, и они зажили прекрасно – дружно и весело. Только с ребенком все не получалось. Прожили год, другой, и Бела пошла к врачам, проверить. Нашли, что у нее все в порядке. Предложили проверить мужа и обнаружили какой-то редкий дефект: дееспособен, но потомства иметь не может. Бела почувствовала себя обманутой, Гриша ходил понурый – хоть и ни в чем перед женой не виноват, а все равно как будто обманщик.

Прошел еще год-другой, послевоенные ожидания как-то не совсем оправдывались, жизнь не становилась ни лучше, ни веселей – если не считать, конечно, веселенькой истории с космополитами, которая глубоко смутила Гришу. Он был простой советский парень, патриот и интернационалист, а с этим космополитизмом была какая-то нестыковка между генеральной линией партии и генеральной линией его честного сердца. Он старался привести все к общему знаменателю, чтоб все сошлось к простому и верному решению. Но никак не сходилось, и он страдал. И вот в самый разгар этих трудных дней Бела села перед Гришей на стуле, положила перед собой красивые руки с маникюром и объявила, что беременна. Космополиты выскочили мигом из Гришиной головы. Бела рассказала, что у нее завелась любовная связь с одним ученым, секретным человеком, и что она хочет рожать ребенка. Лет ей было уже за тридцать – давно пора...

Горько было это услышать Грише, но он повел себя как мужчина: виду не показал, что убит таким сообщением, напротив, сдержал себя и сказал Беле, что, коли ребенок не его, пусть

она считает себя свободной, он готов немедленно покинуть ее жилплощадь и желает ей счастья в новом браке...

– Нет, Гриша. Замуж я за этого человека никогда не выйду, – во-первых, он женат, во-вторых, даже если бы был свободен, все равно на еврейке он не женился бы: секретным ученым не полагается, – сказала Бела и пошевелила белыми руками на клетчатой синей скатерти.

Грише слова ее показались такими горькими и обидными, что он взял ее руки и поцеловал:

– Белка, дорогая, ты знаешь, как я тебя люблю. Если ты не собираешься замуж за того человека, пусть этот ребенок будет нашим, и забудем об этой истории, и все...

Бела помолчала, помолчала и сказала, что думала...

– Да он и будет твой...

Но Гришино благородство имело свои обозначенные границы, и потому он тут же добавил:

– Да, он будет мой. Но ты понимаешь, Белочка, ребенок тоже должен знать, что он мой. И потому одно я тебе ставлю условие – чтобы этого человека ты больше не видела, не встречалась с ним, и хорошо бы, чтобы он ничего не знал о ребенке...

– Хорошо, Гриша.

Бела встала из-за стола, обняла мужа за голову и поцеловала в единственный его глаз. Так все и решилось.

Мальчик Миша получился таким родным, что дальше некуда: роднее собственного глаза. Молодой отец, в руках с роду ничего кроме карандаша и рюмки не державший, все пытался вытащить его из кровати, но Белка вспрыгивала и выхватывала:

– Гриша! Уронишь!

И Гриша послушно вставал в изножье кровати и читал сыну стихи – Маяковского, Багрицкого, Тихонова – на вырост. А Бела посмеивалась:

– Гриш, ты ему Чуковского лучше почитай!

Но младенчик был в таком еще нежном возрасте, что ему было совершенно все равно, под какие стихи сосать и пукать.

Рос Мишенька нормальным еврейским вундеркиндом. Сказки его нисколько не занимали. Литературные вкусы его определились в четырехлетнем возрасте: он предпочитал мифы и легенды Древней Греции и читать, собственно, выучился по книге Куна. От богов он быстро перешел к героям. Троянская война показалась ему гораздо более увлекательной, чем спор между богами, ей предшествующий. Подобно тому, как боги играли людьми на полях сражений, Миша стал играть в солдатики, ощущая себя верховным главнокомандующим мира.

Теперь всем детским играм он предпочитал игру в солдатики. Первой войной, разыгранной на большом обеденном столе, была Пелопоннесская. Собственно, это была не война, а войны, и он без усталости разыгрывал сражения между афинянами и спартанцами, и постепенно семья перенесла обеды на маленький столик около двери, чтобы не эвакуировать войска каждый раз, когда садились обедать... Когда Бела предлагала Мишеньке убрать с обеденного стола солдатиков, Гриша махал руками:

– Бела! Оставь парня в покое!

Отец спустил с верхней полки вниз запыленную «Всемирную историю», и от греков Миша успешно перешел к Александру Македонскому, а также к Пирру, Киру и прочим Ганнибалам...

К концу начальной школы Миша отыграл все крупные мировые сражения, включая и танковую операцию под Курском...

Гриша безмерно гордился сыном и одновременно очень боялся, что Бела его избалует, превратит в маменькиного сына, и потому постоянно брал его на встречи со своими однополчанами. Девятое мая было их общим праздником: люди прошлой войны с орденами и планками

на пиджаках, хромой дядя Боря-биолог и однорукий мостостроитель дядя Витя Голубец, – все казались мальчику героями, и он научился гордиться своим одноглазым отцом, которого так любили друзья. Обычно встречались они в Парке культуры, шли в какое-нибудь средне-питейное место, где на столах лежали не скатерти, а липкие клеенки, пили пиво с водкой, ели раков, и Мише тоже давали кружку пива, которое он с детства привык считать самым главным мужским напитком. И он восхищался своим отцом, который – маленький, сухой и одноглазый – был среди своих товарищей не только равным, но и особо уважаемым: в те годы вся страна еще распевала военные песни, написанные на его стихи. Песни и впрямь были хорошие – с живой печалью о намернувшемся солдате, о горькой полыни на пыльной земле, о сладком дыме отечества...

Самый симпатичный из отцовских друзей, хромой Боря-биолог разрушил семейную идиллию. Однажды, в зимний будний день, около полудня он проходил по улице Горького, около гостиницы «Националь» и столкнулся нос к носу с Белой. Ее вел высокий мужчина барского вида, а она висела на его руке и щебетала радостно и звонко. Увидев Борю, отвернулась. Из черной «волги», ожидавшей вельможу, выскочил шофер и открыл дверцу. Бела шмыгнула на заднее сиденье. Пахло изменой.

Хромой Борис ночь не спал, все колебался между честной правдой и подлым молчанием. Мысль о честном молчании не пришла ему в голову, и на следующий день он встретился с Гришей в пивнушке у Белорусского вокзала и доложил о положении вещей. Встреча фронтовых друзей заняла ровно пять минут. Выслушав сообщение, Гриша отодвинул пивную кружку и сказал громче, чем того требовали обстоятельства:

– Моя жена вне всяких подозрений, а ты, Борис, трепло и сукин сын.

И ушел, оставив Бориса как оплеванного.

Потом Гриша позвонил жене, сказал, что уезжает на несколько дней в срочную командировку. И уехал в Смоленск, к другому фронтовому другу, и провел у него три дня, умеренно выпивая, вспоминая военные истории и ни слова не обмолвившись о событии, заставившем его удрать из дома.

В ночном поезде по дороге домой Гриша все прикидывал, как жить дальше. Подозрений относительно жены у него не было – сразу оглушила уверенность, что так оно и есть: секретный этот человек, отец Миши, существует в белочкиной жизни, и ничего с этим не поделаешь. Он представил себе, как уличит ее в неверности, и как она начнет плакать, и Мишка проснется, и надо будет ему что-то врать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.